

Динамика и типология реформ в России XVI–XVII веков

Владимир Аракчеев

История реформ как практик «социальной инженерии» вызывала повышенный интерес в российской историографии, прежде всего по причине эпохальных изменений государства и общества в XX в. Однако сам термин «реформы» применительно к периоду до 1861 г. был введён в научный оборот лишь в конце XIX в. С.М. Соловьёв, описывая преобразования XVII в. и допетровского времени, предпочитал говорить о «предложениях», «мерах» и «установлениях»¹. Термин «реформы» был введён в научный лексикон российской историографии трудами В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова. В 1890 г. в «Русской мысли» и «Журнале министерства народного просвещения» начали публиковаться их исследования «Состав представительства на земских соборах Древней Руси» и «Государственное хозяйство России первой четверти XVIII в.». Термин «реформа» употреблялся этими исследователями как в смысле комплекса преобразований, осуществлявшихся на протяжении десятилетий («реформа местного управления» в XVI в., «реформа Петра Великого»), так и в смысле отдельных мероприятий.

Ключевский, анализируя «реформу местного управления», рассматривал её одновременно с «военной реформой», введением губных учреждений, земской реформой и введением «верного» управления в кабацком и таможенном деле². Милюков, подразумевая под «реформой Петра Великого» систему и результат его преобразований, выделял ряд реформ уже во второй половине XVII в. «Финансовой реформой 1679–1681 гг.» он называл переход к подворному обложению, «реформой 1680 г.» – создание военно-финансовых округов. Выборы бурмистров на посадах и создание Бурмистерской палаты в Москве он охарактеризовал как «областную» и «центральную» реформы. Статус реформы получили у исследователя и процесс разрушения приказного строя в 1701–1709 гг., и проект создания и наделения финансовыми полномочиями губерний в 1708–1711 гг. Именно Милюкову принадлежит метафора «реформа без реформатора», которой он обозначил не только процесс адаптации петровских реформ к реалиям второй четверти XVIII в., но и сам ход преобразований Петра³.

Отсутствие теоретической разработки проблемы реформ сказалось и на исследованиях С.Ф. Платонова, который в монографии 1899 г. наряду с «первым периодом реформ царя Ивана» определял как «политическую реформу» («реформу служилого землевладения») введение опричнины⁴. В XX в. термин «реформа» стал активно использоваться исследователями для описания самых

© 2014 г. В.А. Аракчеев

¹ Соловьёв С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. VII. М., 1991. С. 93, 238, 570.

² Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. VIII. М., 1990. С. 347–364.

³ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 64, 90, 123–124, 250, 266, 542–543.

⁴ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 92–101.

разных изменений в обществе и государстве начиная с X в., чаще всего в трудах по истории XVI–XVIII вв. Очевидно, что без методологической разработки проблемы реформ применительно к истории России до XIX в. адекватно оценить характер и динамику преобразований нелегко.

Этот пробел в последние годы восполнен М.М. Кромом, чьи работы содержат как теоретический, так и фактический материал, позволяющий по-новому взглянуть на представления современников о преобразованиях и на их сущность. Исследователь полагает, что отсутствие сведений о подготовке и принятии решений о реформах объясняется не только отсутствием источников, но и пониманием «политических» вопросов в морально-религиозном смысле⁵. Именно таким образом, не как радикальную ломку прежней системы, а как исправление сложившегося положения «по старине», понимали современники монетную и губную реформы 1530-х гг.⁶ Не отрицая значимости и масштабности изменений в России XVI в., Кром указывает на отсутствие идеи прогресса в представлениях русского общества, ориентированного на «старину», что предопределило характер реформ как процесс непрерывных и не всегда последовательных изменений и не даёт возможности отождествлять их с реформами Нового времени⁷.

Задача настоящей статьи состоит, во-первых, в исследовании типологии реформ XVI–XVII вв., поскольку очевидно, что характер преобразований этого времени не укладывается в одну схему. С этой целью необходимо исследовать динамику преобразований в двух сферах: сфере финансов, где будут рассмотрены борьба государства с тарханами и реформы системы налогообложения, и в сфере местного управления. Во-вторых, следует выяснить динамику реформ: каково было соотношение представлений современников о необходимости преобразований и темпов их осуществления. Изучение преобразований и административных практик может быть результативным лишь с опорой на методологию, разработанную в европейских социальных науках. Не утратившими актуальности мне представляются многие идеи и наблюдения М. Вебера, Й. Шумпетера, К. Манхейма; новые подходы были апробированы в исследованиях Т. Скочпол, Б. Дэвиса, Р. Мартина. Рассмотрение проблемы на протяжении 150-летнего периода времени рискованно по причине значительного временного разрыва между изучаемыми явлениями, однако пренебрежение разработкой вопроса в диахронном аспекте может тривиализировать предмет исследования.

Одним из важных качеств реформ Нового и Новейшего времени является их завершённый характер: реформа проводится в ограниченные сроки и заканчивается воплощением заявленной программы. Многие из преобразований в России XVI–XVII вв. не соответствуют этому критерию. Типичным примером таких преобразований является борьба государства с тарханами, длившаяся два столетия. Тарханскими или обельными грамотами назывались жалованные грамоты великокняжеской или царской власти, освобождавшие землевладельца от налогов и натуральных повинностей полностью или частично, но бессрочно.

⁵ Кром М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей. 2005. М., 2005. С. 284–285.

⁶ Кром М.М. Хронология губной реформы и некоторые особенности административных преобразований в России XVI в. // Исторические записки. Вып. 10 (128). М., 2007. С. 373–392.

⁷ Кром М.М. Религиозно-нравственное обоснование административных преобразований в России XVI в. // Religion und Integration im Moskauer Russland Konzepte und Praktiken Potentiale und Grenzen. 14–17. Jahrhundert. Wiesbaden, 2010. S. 49–64.

Тарханы были разновидностью иммунитета, свойственного землевладению в Западной и Восточной Европе в эпоху Средневековья. Как верно писал Л.В. Черепнин, «иммунитет является характерной чертой привилегированной сословной земельной собственности с её иерархической структурой, выражающейся во взаимной связи собственников земли цепью обязательств»⁸. Положение иммунитетных владений в иерархической структуре средневекового общества наглядно проявляется во Франкском государстве эпохи Каролингов, где такого рода владения были встроены в систему суда и управления⁹.

Результаты исследований иммунитета в Западной Европе и на Руси убеждают в том, что иммунитетные привилегии оформляли государственно-политическую структуру России в виде иерархической системы вплоть до середины XVI в. Коль скоро тарханно-несудимая грамота предоставляла грамотчику судебный иммунитет, любое изменение в этой системе должно было отразиться в переработанном Судебнике 1550 г. и воплотиться в 43-й и 91-й статьях этого свода законов. В комплексе со статьёй 64 о суде детей боярских наместниками «по всем городам» по «жалованным вопчим грамотам» эти статьи и обозначили начало реформы тарханов¹⁰. Эти преобразования по-разному воплощались применительно к светским и церковным вотчинам. Податной иммунитет светским землевладельцам и в первой половине XVI в. предоставлялся в исключительных случаях, а во второй половине XVI в. он окончательно ушёл в прошлое, сменившись практикой выдачи временных освобождений по льготным, обельным и оброчным грамотам¹¹.

Судебник вступил в действие в июне 1550 г., однако начать реализовывать его постановления можно было лишь после решений Собора высших церковных иерархов. Стоглавый Собор начал свои заседания в феврале 1551 г., видимо, уже тогда поддержав решение об отмене тарханов и дополнив постановления Судебника статьёй 98 о монастырских дворах на посадах. Практическая реализация решений Судебника и Стоглава началась в мае 1551 г. с пересмотра и утверждения жалованных грамот монастырям. С.М. Каштанов показал, что из 236 грамот, заново оформленных или сохранивших подтверждения 17 мая 1551 г., большинство были подтверждены без иммунитета, касающегося основных налоговых повинностей. Эти налоги следовало собирать лицам, уполномоченным государством, чаще всего городовым приказчикам. Некоторые влиятельные обитатели, в первую очередь Троице-Сергиев и Иосифо-Волоколамский монастыри, сохранили привилегии, касающиеся уплаты второстепенных налогов, в первую очередь проезжих пошлин¹². Некоторые мелкие монастыри сохранили всю совокупность тарханских привилегий, как например, серпуховский Владычный монастырь, грамота которому была подтверждена без изъятий по причине «убогости». 15 октября 1556 г. Владычный монастырь получил новую тарханно-несудимую грамоту, освобождавшую его от дани, других основных налогов, городского дела, проезжих пошлин¹³.

⁸ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. М., 1951. С. 109, 112.

⁹ Михайловская Н.С. Каролингский иммунитет // Средние века. Вып. 2. М.; Л., 1946. С. 164–187.

¹⁰ Российское законодательство в 9 томах. Т. 2. М., 1985. С. 142–143, 151–152, 168.

¹¹ Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 242.

¹² Там же. С. 122–125.

¹³ Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 456–461.

Несмотря на указанные исключения, вплоть до начала 1560-х гг. правительство придерживалось выработанного в 1550–1551 гг. порядка предоставления привилегий монастырям. Однако с 1563–1564 гг. нуждавшийся в поддержке Церкви и находившийся в плену эсхатологических ожиданий Иван IV отступил от принципов Судебника и Стоглава и начал массовое предоставление иммунитетных грамот монастырям, в числе которых были Иосифо-Волоколамский, Чудов и др.¹⁴ 28 апреля 1578 г. общую жалованную грамоту на основе сентябрьской грамоты 1550 г., но без ограничительной подписи получил Троице-Сергиев монастырь, а 9 февраля 1580 г. тарханно-несудимую грамоту на сёла и дворы в семи уездах получил суздальский Спасо-Евфимьев монастырь¹⁵. Выход значительных комплексов земель из правильной системы налогообложения усугубил «оскудение воинского чина» в последнее десятилетие Ливонской войны. Е.И. Колычева предположила, что уже с 1580/81 г. тарханные привилегии, за исключением проезжих пошлин, предоставляться перестали¹⁶. Однако С.М. Каштанов показал, что в 1582–1583 гг. тарханные грамоты были выданы не менее чем шести монастырям севера и одному из монастырей юго-запада России (брянскому Свенскому)¹⁷.

Церковно-земский Собор 1584 г. стал очередным рубежом в борьбе государства с тарханами, после которого иммунитетные привилегии монастырям и иерархам Церкви стали выражаться в праве самим собирать основные государственные налоги, а также в особом таможенном статусе¹⁸. Однако тарханные грамоты выдавались и после Собора 1584 г. Это, по мнению А.П. Павлова, означало, что правительство, продекларировав отмену тарханов, оставило за собой право в любой момент их нарушать¹⁹. В 1623–1625 гг. правительство предпринимало попытки пересмотра и ревизии тарханных грамот, в 1672 и 1677 гг. – отмены права монастырей на беспошлинный провоз товаров. Однако иммунитетные привилегии церковных землевладельцев восстанавливались спустя несколько лет²⁰. По мнению М.С. Черкасовой, даже после окончательной отмены в 1700 г. таможенных пошлин, взимавшихся в пользу Троице-Сергиева монастыря, они собирались ещё в течение нескольких лет²¹.

Возникает вопрос: почему в Русском государстве после 1584 г. податной иммунитет светских землевладельцев исчез безвозвратно, а церковных – сохранялся, хотя и в реликтовых формах? Судьба иммунитета в Центральной Европе складывалась отлично от Русского государства: изданием Кошицкого привилея в Польше в 1374 г. население владений светских феодалов освобождалось от всех налогов и отработочных повинностей²². Изживание иммунитетов в Запад-

¹⁴ Каштанов С.М. Финансы... С. 158.

¹⁵ Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI – начала XVII в. М., 2004. С. 245–246; Акты суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1505–1608 гг. М., 1998. С. 385–389.

¹⁶ Колычева Е.И. Аграрный строй России в XVI в. М., 1987. С. 150.

¹⁷ Каштанов С.М. Финансы... С. 229.

¹⁸ Черкасова М.С. Указ. соч. С. 248–252.

¹⁹ Павлов А.П. К вопросу об отмене тарханов в 1584 г. // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 322–324.

²⁰ Черкасова М.С. Указ. соч. С. 252–254; Седов П.В. Закат Московского царства. СПб., 2006. С. 303–311.

²¹ Черкасова М.С. Указ. соч. С. 257.

²² Флоря Б.Н. Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств // Польша и Русь: Черты общности и единообразия в историческом развитии. М., 1974. С. 327.

ной Европе, как и на Руси, не было одномоментным, пройдя в течение столетий периоды ограничения и нового расширения, однако светские землевладельцы утрачивали его синхронно монастырям. В конце XIII – начале XIV в. в период правления Генриха II иммунитеты в Англии ограничивались путём создания системы «общего права» и разработки правовой доктрины «сейзины». Изданием ассиза «*novel disseisin*» у баронских судов была отнята юрисдикция в отношении споров о земле²³. Однако после 1330 г. в Англии началась реставрация иммунитетов, выразившаяся в создании так называемых палатинатов, обладавших, как отмечает Ю.И. Писарев, «всей полнотой иммунитетных прав, в частности собственными канцеляриями»²⁴. Растягиваясь на столетия и переживая периоды активизации и отступления, процесс реформирования иммунитета в Западной Европе в равной мере касался светского и церковного землевладения.

В Русском же государстве влиятельные светские землевладельцы, как показали Б.Н. Флоря и С.М. Каштанов, сохраняли свои привилегии только до середины XVI в.²⁵ По жалованной грамоте от ноября 1547 г. дворецкий М.И. Кубенский получил полный податной и судебный иммунитет на свои сёла в Дмитровском уезде: «И тем его людем и христианом ненадобе моя царева великого князя дань, ни примет, ни посошной корм, ни посошная служба, ни иныя никоторыя пошлыны, и коня моего не кормят, и тукового не дают, и сен моих не косят, ни подымного, ни мыта, ни перевозу не дают, и двора моего и наместнича не делают, и прудов моих не копают, и извести не жгут, и камни не возят, и города не делают, и корму в том его селе, и в деревнях, и в починках, и в пустошах к нашему приезду не берут, и подвод с них в нашу службу и на ям не емлют, и на дела на наши не наряжают».

Судебный иммунитет предоставлялся Кубенскому тоже в полном объёме, включая расследование по уголовным делам (душегубство, разбой, татьба с поличным), которые обычно выводились из подсудности грамотчика: «А наместницы наши дмитровские, и волостели, и их тивуни тех его людей и христиан не судят ни в чем, ни кормов своих на них не емлют и не всылают к ним ни по что, а праветчики и довтчики поборов своих на них не берут и не въезжают к ним ни по что: а ведает и судит тех своих людей и христиан князь Михайло Иванович сам во всем, или кому прикажет; а кому будет чего искати на княж Михайловых людех и на христианех, ино их сужу яз, царь и великий князь, или мой боярин введенный»²⁶. Следовательно, в распоряжении дворецкого должна была находиться канцелярия, ведавшая «губные дела». Почему же ни преемники умершего в 1548 г. Кубенского дворецкие 1550–1560-х гг., ни конюший боярин И.П. Фёдоров-Челяднин не сохранили во второй половине XVI в., в отличие от монастырей, хотя бы частичных податных привилегий? Очевидно, что это было связано с масштабной перестройкой органов государственного управления и оформлением приказной системы, в

²³ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 417–427.

²⁴ Писарев Ю.И. Магнаты и корона в Англии XIV в. // Средние века. Вып. 43. М., 1980. С. 96.

²⁵ Флоря Б.Н. Эволюция податного иммунитета светских феодалов России во второй половине XV – первой половине XVI в. // История СССР. 1972. № 1. С. 64–71; Каштанов С.М. Финансы... С. 242.

²⁶ Акты Археографической экспедиции. Т. 1. СПб., 1836. № 215. С. 205.

результате чего должности дворецких, казначеев, конюшенных бояр перестали быть определяющими в правящей иерархии²⁷.

Удивительная устойчивость иммунитетных привилегий, дарованных церковным институтам, и прежде всего монастырям, побуждает рассмотреть их место в структуре феодального общества, а также оценить динамику и итоги реформ церковно-государственных отношений. В результате деятельности митрополита Алексия церковная иерархия приобрела значительное влияние, проявившееся в факте заключения во второй половине XIV в. договора между великокняжеской властью и митрополичьей кафедрой. По уставной грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана 1392 (1404) г. митрополичьи волости Лух и Сенеж получили податной и судебный иммунитет²⁸. Монастырям в княжествах Северо-Восточной Руси податной иммунитет жаловался властью суверена, и рост монастырского землевладения и распространение иммунитетов на монастырские земли оформляли иерархию монастырей. А.П. Павлов реконструировал иерархическое положение монастырей по так называемым «лествицам» – перечням монастырей второй половины XVI – первой половины XVII в. Ему удалось показать руководящую роль Собора высших церковных иерархов и настоятелей крупнейших монастырей в решении важнейших вопросов государственной и церковной жизни, что позволило охарактеризовать этот Собор как «церковный институт»²⁹. Очевидно, столь влиятельная структура была в состоянии лоббировать интересы своих монастырей, и далеко не случайно среди обитателей, сохранивших элементы податного иммунитета, были монастыри, входившие в круг правящей церковной элиты и включённые в состав «лествиц».

Столь мощная иерархическая система как Церковь, увенчанная стоящим рядом с государем митрополитом, а с 1589 г. патриархом, не могла не обладать спектром привилегий, распространявшихся в виде иммунитетов на её экономическую деятельность. Именно вертикально отстроенная система институтов, начиная с прихода и заканчивая церковным Собором, даёт основание характеризовать Церковь как иерархию, попытки реформирования которой должны были наталкиваться на ожесточённое сопротивление. Следовательно, длительный процесс временного упразднения, восстановления, сохранения в реликтовом виде тарханов не должен интерпретироваться как реформа, ибо важнейшие качества реформы не свойственны этому процессу. Очевидно, что термин «реформа» может быть применён лишь к мероприятиям 1550–1551 гг.: упразднению тарханов в Судебнике и последовавшими затем пересмотром и утверждением жалованных грамот в 1551 г. В течение последующих 150 лет правительство пыталось адаптировать принципы этой реформы к реалиям социально-экономического устройства страны. Значит ли это, что в России XVI–XVII вв. реформы были возможны только в вышеописанном виде, т.е. могли осуществляться преимущественно путём исключений и отступлений от провозглашённых принципов?

²⁷ Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 155–235.

²⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). Т. 3. М., 1964. С. 18–19.

²⁹ Павлов А.П. Церковная иерархия в системе государственной власти в России XVI века // Religion und Integration in Moskauer Russland... P. 65–80.

Для ответа на этот вопрос обратимся к исследованию преобразований другого сегмента сферы финансов – системы налогообложения, которая в это же время подверглась интенсивному реформированию. Государство унаследовало от предшествующего периода архаичную систему налогообложения в виде сошного письма. Несмотря на очевидную этимологию слова «соха», сошное письмо до середины XVII в. не носило поземельного характера. Реально под одной сохой подразумевалось определённое количество дворов или селений, зависевшее от местных традиций и «посильности» налогов для местной экономики, однако единых норм сохи не существовало³⁰.

Большинство российских историков традиционно относили первую реформу сошного письма к началу 1550-х гг., но в работах Е.И. Колычевой ход реформы был заново изучен. Согласно её наблюдениям, впервые большая соха, состоявшая из 800 четвертей, появилась на дворцовых великокняжеских землях и зафиксирована в описаниях селений Суздальского и Тверского уездов в 1542–1544 гг. Это нововведение первоначально носило характер апробации, которая постепенно вводилась на землях, подконтрольных Большому и Тверскому дворцам. В середине 1550-х гг. большая соха была введена повсеместно. Столь же повсеместно, за исключением дворцовых владений, в качестве единицы измерения земли вводилась и четверть. Земли всех светских владельцев, как вотчинников, так и помещиков, а также дворцовые земли в центре страны, описывались сохой, в которую входили от 800 до 1200 четвертей земли в зависимости от качества последней. В то же время церковно-монастырские вотчины описывались сохой, включавшей от 600 до 800 четвертей земли, что увеличивало объём налогов, падавший на тяглую единицу. Однако тяжесть налогообложения для церковных земель компенсировалась тем, что церковные корпорации не несли военной службы и, как было показано выше, во второй половине XVI в. также продолжали получать иммунитетные привилегии³¹.

Несмотря на внешне стройную систему поземельного налогообложения, сошное письмо не выдержало проверку Ливонской войной. Прогрессирующий рост налогов в 1560-х – начале 1580-х гг. обозначил вхождение государства в затяжной социально-экономический кризис, закончившийся гражданской войной начала XVII в. С.А. Нефёдов предположил, что этот кризис был вызван надломом прежнего экономического уклада и хозяйственным истощением районов старого освоения³². В рамках рассматриваемой проблематики наиболее интересен подход основоположника фискальной социологии Й. Шумпетера, указывавшего: «Когда существующие формы начинают отмирать или превращаться во что-то новое, они всегда влекут за собой кризис старых фискальных методов»³³. Кризис налогового государства, продолжавшийся и после гражданской войны, стал причиной новой финансовой реформы.

В 1620-х гг. в Русском государстве осуществлялась реформа сошного письма, выразившаяся в появлении новой фискальной единицы – так называемой живой четверти. Первый указ о введении «живущей четверти» появился в 1620 г., последний – в 1632 г. Смысл реформы состоял в том, что четверть,

³⁰ Колычева Е.И. Указ. соч. С. 15–16.

³¹ Там же. С. 21–24.

³² Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. XV – начало XX в. Екатеринбург, 1996. С. 50–60.

³³ Schumpeter J. The Crisis of the Tax State // Schumpeter J. The Economics and Sociology of Capitalism. Princeton, 1991. P. 101.

ранее измерявшаяся количеством обрабатываемой земли, стала определяться числом крестьянских и бобыльских дворов. Нормы «живущей четверти» были «плавающими» и включали от 2 крестьянских и 2 бобыльских до 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов. Методом проб и ошибок к 1631 г. остались два разряда «живущей четверти», и реформа была завершена³⁴. Реформа «живущей четверти» не предполагала перехода к подворному налогообложению; комбинации дворов по-прежнему входили в состав сох в традиционном объёме (от 600 до 1200 четвертей).

Несмотря на видимую нелогичность и сочетание противоречивых принципов, реформа доказала свою жизнеспособность и стала основой финансового восстановления государства. Т. Скочпол указывает на важность государственной способности собирать налоги для восстановления внутренней целостности державы³⁵. Однако конец эпохи Средневековья в Европе повсеместно ознаменовался кризисом налогового государства, который Й. Шумпетер относил к времени после Тридцатилетней войны³⁶. Россия, испытавшая монетный кризис 1650–1660-х гг., который вылился в «Медный бунт», не стала исключением и была вынуждена отвечать на этот вызов.

Если реформа «живущей четверти» смотрится как уникальное явление в правительственной политике 1620-х гг., характеризовавшейся судорожными усилиями власти по выходу из кризиса, то третья финансовая реформа приходится на время правления Фёдора Алексеевича. П.В. Седов утверждает, что в период царствования Фёдора, за исключением отмены местничества, не было реформ, «которые бы решительным образом изменили существовавшие принципы сбора податей, управления страной, организации армии, положения и роли Церкви». С тем, что при Фёдоре Алексеевиче не произошло существенных изменений в системе управления, военных и церковных делах по сравнению с порядками, установившимися при его отце, согласиться можно. Но тезис автора о почти полном отсутствии реформ, свидетельствующем об «отсталости и губительной изоляции» России, нуждается в коррекции³⁷.

К царствованию Фёдора Алексеевича относятся два нововведения, на десятилетия определившие констелляцию интересов правящих групп землевладельцев. Сказанное относится к первой очереди к финансовой реформе 1679–1681 гг., в ходе которой страна перешла к подворному налогообложению. Исследовавший фискальные преобразования в контексте борьбы придворных группировок за власть Седов считает, что результатом этой борьбы стали изменения в порядках взимания податей³⁸. Однако «под воздействием придворной конъюнктуры» перекраивался не порядок взимания податей, а адресаты их поступления, приходные кассы приказов, действительно переходившие из рук в руки представителей правящей бюрократии. Подворный принцип взимания прямых налогов, несмотря на своё несовершенство, использовался еще 40 лет, вплоть до введения подушной подати.

Второе нововведение периода царствования Фёдора Алексеевича – начало описания 1681–1684 гг., которое, с одной стороны, продолжало принципы вального письма 1620–1630-х гг., а с другой стороны, – межеваний земель,

³⁴ Веселовский С.Б. Сошное письмо. Т. 2. М., 1916. С. 415.

³⁵ Скочпол Т. States and Social Revolutions. Cambridge, 1979. P. 285.

³⁶ Schumpeter J. Op. cit. P. 102–108.

³⁷ Седов П.В. Указ соч. С. 555.

³⁸ Там же. С. 345.

оказавшееся в центре внимания правительства, роднят это описание с аналогичными мероприятиями XVIII в., продолжавшимися вплоть до Генерального межевания. Можно считать, что в 1680-х гг. было положено начало административной практике, непосредственно касавшейся почти каждого землевладельца и длившейся почти столетие. Как финансовые, так и писцово-межевые преобразования царя Фёдора обладали главным качеством реформы – продолжительностью действия или проявления их последствий.

Недостатки подворного принципа взимания прямых налогов приводили к замедлению разделов дворов, к сокрытию реального количества налогоплательщиков, но результатом стал резкий рост доходов и возможность содержать мощную армию. П.Н. Милюков показал на цифрах росписи доходов 1680 г., что подворная подать стала устойчивым источником налоговых поступлений для государства. Бюджет 1680 г. был сверстан с профицитом; из 2.5 млн руб. доходов на армию было потрачено не более 700 тыс. руб., и остаток перешёл в бюджет 1681 г.³⁹ Финансовая реформа 1679–1681 гг., видимо, впервые за столетие позволила государству создать аналог современного стабилизационного фонда. Строго придерживаясь принципа экономии («чтоб сборы за сборы заходили»), руководство финансовых приказов перечисляло количественно возраставшие остаточные суммы в бюджет следующего года.

Несмотря на повышенные расходы во время русско-турецких войн 1687–1689 и 1695–1696 гг., а также возраставшие расходы на строительство Азовского флота, переходивший в бюджет следующего года остаток за 20 лет вырос с 407 тыс. руб. в 1680 г. до 3.9 млн руб. в 1703 г. Милюков показал, что на протяжении 1704–1709 гг. – наиболее напряжённых лет Северной войны – государство покрывало дефицит бюджета исключительно за счет этого «стабилизационного фонда»⁴⁰. Общеизвестно, что крайнее фискальное напряжение первого десятилетия XVIII в. привело к истощению платёжеспособных сил народа, и подворная подать не смогла предотвратить этого результата. Однако, как показал Й. Шумпетер, европейские налоговые государства раннего Нового времени могли разрешить свои геополитически обусловленные фискальные дилеммы лишь введением новых налогов или изменением фискальной системы⁴¹. Петровская реформа не могла не завершиться переходом к подушному обложению, милитаризовавшему бюджет и упростившему налоговую систему. Но введение подушного налогообложения отнюдь не свидетельствует об изначальной ущербности реформы 1679–1681 гг. Таким образом, второй тип реформ в России XVI–XVII вв. представляет собой осуществлявшиеся в течение нескольких лет мероприятия, изменявшие порядок системы налогообложения, который утверждался на 40–70 последующих лет, пока очередной финансовый кризис не вызывал к жизни новые преобразования.

Третий тип реформ рассмотрим на примере преобразований местного управления. В системе властных институтов помимо иерархий можно условно выделить сегменты или секторы, не находящиеся в строго иерархическом подчинении у вышестоящих властных структур. Именно таким сегментом института местного управления в Русском государстве XIV–XVI вв. была система кормлений. Представляя собой одновременно пожалование доходов и служебное поручение, кормление волостеля, наместника или получателя другой

³⁹ Милюков П.Н. Указ. соч. С. 74–76.

⁴⁰ Там же. С. 176–179.

⁴¹ Schumpeter J. Op. cit. P. 102–108.

должности не являлось элементом феодальной иерархии. Иерархия в виде княжеской власти, с одной стороны, и системы привилегированных светских и церковных вотчин, с другой, существовала рядом с институтом кормлений. Кормленщик чаще всего должен был считаться с действующей иерархией привилегированных вотчин («волостели и наместники наши кормов не емлют»), но в ряде случаев он имел право судить уголовные преступления, совершённые на территории вотчины («душегубство, разбой и татьба с поличным»), а в исключительных случаях осуществлял в отарханенных вотчинах всю полноту своей власти. Так, по жалованной кормлёной грамоте 1462–1485 гг. Иван III предоставил ростовскому боярину Илье Борисовичу право судить и взимать кормы с вотчин всех землевладельцев, у кого имелись великокняжеские тарханские грамоты («грамотников»)⁴².

С.Б. Веселовский характеризовал систему кормлений как «нормальную форму управления» при помощи наместников и волостелей, которые были «универсальными органами княжеской власти». В кормление давались должности наместников, волостелей, а также разнообразные доходные статьи – право держать тиунство, правду, ключ, собирать ясельничее, бражное, бобровое и т.д.⁴³ Доходы наместников и волостелей фиксировались в двух видах документов: уставной грамоте наместничьего управления, которая выдавалась населению, и доходных списках, которые, применительно к первой половине XVI в., целесообразно именовать жалованными грамотами⁴⁴. Изложенные в уставных грамотах принципы оставались неизменными до 1550-х гг. и предполагали взимание с населения въезжего и трех праздничных кормов, исчисленных в натуральном (иногда в денежном) выражении. Рассмотрим принципы кормления, отразившиеся в уставных грамотах и доходных списках. Порядок кормлений по ранним жалованным грамотам 1500–1509 гг. Осорьиним, князю Козловскому, Коробьину представлял собой периодическое (на Рождество, Пасху и день святых Петра и Павла) взимание натуральных поборов отдельно с частновладельческих и отдельно с черносошных земель⁴⁵. В боярских и монастырских землях единицей обложения была соха, приравненная к шести деревням в черносошных землях. Грамоты предполагали возможность выплаты наместникам корма в денежном эквиваленте, если он им будет «не люб».

Несмотря на повсеместность описанной практики, единой системы взимания кормов в Русском государстве не сложилось. Выгоднейшими с доходной точки зрения кормлениями были волости и посады промысловой специализации, в особенности связанные с солеварением, развитым, например, в Старой Руссе и Мореве Новгородской земли, Соли Великой и Малой, Соли Галицкой Костромского уезда. Товарное производство соли давало возможность местным общинам выплачивать кормы в денежном эквиваленте. Согласно жалованной грамоте 1528 г. на Соль Малую, волостель Г.Д. Кобяков наделялся кормами, почти полностью пересчитанными на деньги (коммутированными): «Емлет в год на три празники – на Рождество, на Велик день, на Петров день – по полу-

⁴² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. (далее – АСЗ). Т. 1. М., 1997. № 70. С. 58.

⁴³ *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 114, 263–280.

⁴⁴ *Антонов А.В.* Из истории великокняжеской канцелярии // *Русский дипломатарий*. М., 1998. С. 99–100.

⁴⁵ АСЭИ. Т. 1. М.; Л., 1952. С. 150, 202; АСЗ. Т. 4. М., 2008. С. 171.

четверта рубля на праздник»⁴⁶. Новые принципы управления на местах успешно приживались там, где власть кормленщиков сохранялась в полном объёме. Праздничные кормы были пересчитаны на деньги в уставной грамоте Устьянским волостям 1539 г.: «И всего волостелю, и его тиуну, и доводчику корму, и праведчикова побору в год на три праздники со 119 деревень 1 485 бел, а деньгами 15 рублей без пяти алтын и без деньги». В дворцовых селах администрация осуществляла коммутацию кормов уже в 1540-х гг. Кормы великокняжескому посельскому села Андреевского Звенигородского уезда по уставной грамоте 1544 г. выплачивались исключительно в деньгах: по две деньги с выти⁴⁷.

Система кормлений по способу организации власти может быть охарактеризована как традиционное господство, типология которого была предметно описана М. Вебером. Оно характеризуется рекрутированием административного аппарата из числа рабов и «домашней прислуги, в особенности министерялов»⁴⁸. Административный аппарат наместников и волостелей (тиуны, доводчики, праветчики), как правило, комплектовался из числа холопов. Будучи уполномоченными осуществлять судебные прерогативы, тиуны и другие администраторы получали специальные кормы, выплачивавшиеся им за выполнение «экстрапатримониальных» функций. Вебер выводил эти функции из «произвольного усмотрения господина», которое в дальнейшем «стереотипизируется с помощью традиции»⁴⁹. Кормления были фундаментальным принципом обеспечения административного аппарата управления на Руси в XIV–XVI вв. и подходят под определение «пребенды» – доходов и имущества, предоставляемых за исполнение обязанностей, связанных с занимаемой должностью. Вебер считал возможным именовать такую систему пребендализмом, считая её крайней формой ленной системы вознаграждения за службу⁵⁰.

Таким образом, русские земли унаследовали от удельных времен сложную иерархическую систему местного управления, подвергшуюся структурным преобразованиям в 1550-х гг. Сущность преобразований состояла в замене кормов, выплачивавшихся населением непосредственно кормленщику, фиксированным откупом, который отправлялся в государственную казну и распределялся среди бывших кормленщиков в виде денежного жалованья. На первом этапе, в 1551–1552 гг., уставные грамоты, отменявшие власть кормленщиков и вводившие налоговое и судебное самоуправление, получили лишь отдельные волости и посады Замосковского края и черносошного Севера, в частности Плёс, Малая Пинега, Выя, Сура Поганая и Важская земля. Согласно земским уставным грамотам, пинежане должны были платить в казну 100-рублёвый, а важжане – 1 500-рублёвый откуп, «приехав к Москве с тем оброком»⁵¹. Временная «отставка» реформы, вызванная успешным Казанским походом, осенью 1554 г. сменилась тянувшимся до начала 1556 г. переводом на откуп волостей и посадов в северо-западных и северных землях. В центральных уездах реформа в основном была проведена в 1555 г., когда большинство кормленщиков покинули свои присуды, добирая неполученные кормы в казне.

⁴⁶ АСЗ. Т. 4. № 212. С. 157–158.

⁴⁷ Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. С. 25–31.

⁴⁸ Вебер М. Традиционное господство // Прогнозис. 2007. № 2. С. 152.

⁴⁹ Там же. С. 153.

⁵⁰ Там же. С. 159.

⁵¹ Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 188–197; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты. С. 103–113.

В «Приговоре о кормлениях и службах», изданном не позднее весны 1556 г., не было статьи о ликвидации кормлений. Из текста «Приговора» следует, что государство лишь заявляло о своём намерении стать посредником в отношениях между кормленщиками и тяглым населением с целью превратить кормление из «покоя» в службу. В разделе приговора «О повелении царском» суть реформы изложена лишь как распоряжение о наделении земских старост и целовальников полномочиями по борьбе с разбоями и сбору с посадов и волостей оброков (кормлёного окупа) для обеспечения служилого сословия: «И повеле царь во градах и в волостех расчинити старосты, и соцкие, и пятидесяцкие, и десяцкие, и страшным и грозным запрещением заповедь положить, чтоб им разсужати промеж разбои, и татьбы, и всякие дела, отнюдь бы некоторая вражда не именовалася, также ни мзда неправедная, ни лживое послушество. А кого промеж собою лиха найдут, таковых веле казнем предавати. А на грады и на волости положи оброки по их промыслом и по землям, и те оброки збирати к царским казнам самим дьяком. Бояр же, и вельмож, и всех воинов устроил кормлением, праведными уроки, ему же достоин по отечеству и по родству, а городских в четвертый год, а иных в третьей год, денежным жалованием»⁵².

Невзирая на отсутствие в «Приговоре» распоряжения о ликвидации кормлений, две их разновидности в ходе реформы были отменены. Во-первых, практически повсеместно упразднились волостели. 8 августа 1554 г. была выдана кормлёная грамота на волости Инобож и Вольга, после чего грамоты на кормления в волостях стали выдаваться лишь в порядке исключения, как, например, Е.Д. Бахметеву на волость Собакино в 1562 г. в качестве компенсации «за взятое вотцкое кормленье». Во-вторых, после 6 марта 1555 г., когда И.К. Садыков получил полавочное в Костроме, перестали выдаваться кормлёные грамоты на отдельные доходы⁵³. В то же время институт наместников во многих городах сохранился или был восстановлен, что свидетельствует о трёх типах реформирования структур местного управления.

Первый тип системы местного управления сформировался в волостях и на посадах Северо-Запада Русского государства. С 1 сентября 1555 г. кормления в новгородских и псковских пригородах ликвидировались, а реформа самоуправления в них воплотилась в передаче власти выборным земским старостам, делившим судебные и административные полномочия с городскими приказчиками. Земские преобразования 1550-х гг. в Новгороде и Пскове обладали определённой спецификой, выражавшейся в сохранении наместников и «больших старост», и не носили завершённого характера. Функции земского самоуправления среднего административного уровня (городские концы и уездные засады) в основном были сосредоточены в налогово-финансовой сфере. Исследование документов 1556–1579 гг. показало, что первоочередной задачей земских структур в Пскове стали разверстка и взимание государственных и земских повинностей, именно поэтому низшие должности в земских учреждениях заняли сотские в городе и «земле»⁵⁴.

Второй тип земских учреждений сформировался в большинстве административных центров и уездов Замосковского края: Вологде, Белоозере, Ярославле,

⁵² Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. № 11. С. 37–38.

⁵³ АСЗ. Т. 4. № 11. С. 11; № 20. С. 18; № 410. С. 302.

⁵⁴ Аракчеев В.А. Земская реформа XVI в.: общероссийские тенденции и региональные особенности // Отечественная история. 2006. № 4. С. 3–11.

Бежецком Верхе, Владимире, Суздале, Переяславле-Залесском, Рузе, Московском уезде, Галиче, Коломне, Кашине, Вязьме, Малоярославце, Медыни. Там институт наместников был упразднён и передан выборным старостам, но вскоре власть кормленщиков сменилась «приказными людьми», большей частью губными старостами. Третий вариант развития системы земского управления являет собой Поморье, где, в отличие от большей части территории страны, наместники были ликвидированы безвозвратно, и на протяжении второй половины XVI–XVII вв. функционировала разветвленная система уездных и волостных земских учреждений. Государство сохраняло свой контроль над земскими старостами и судьями Поморья, но поскольку население северных волостей и посадов имело одинаковый социальный состав, там оказалось возможно создать всеуездные земские организации, обладавшие значительными административными и фискальными полномочиями⁵⁵.

Значит ли это, что, согласно схеме земской реформы, предложенной Б. Дэвисом, система местного управления находилась в «переходном (промежуточном) состоянии, поразительно разнообразном и несистематизированном, с городскими и уездными наместниками и другими кормленщиками, криминальной юстицией и выборными органами самоуправления, городскими приказчиками и воеводами, осадными головами, дьяками, дворецкими, или комбинацией этих должностных лиц»⁵⁶? Полагаю, что к земской реформе может быть приложена концепция инновационных усилий А. Левина, выделившего вариант развития, при котором создаются анклавов, когда реформированная единица действует более или менее изолированно в структуре более крупной организации⁵⁷. Если понимать под земской реформой создание именно такой системы анклавов, следует признать её результативной и в определённой мере завершённой.

В ходе реформ 1550-х гг. процесс самоуправления в волостях и посадах был бюрократизирован и документирован, что свидетельствовало о начинавшемся переходе к современной системе управления. Однако преувеличивать степень модернизации системы местного управления не следует. Как известно из источников XVII в., земские избы функционировали на основе принципа коллективного контроля за доходами и раскладкой налогов со стороны корпуса равных. По М. Веберу, такой контроль свойственен традиционному авторитету⁵⁸. К тому же административная практика XVI в. не перестраивалась, а как бы надстраивалась зданию власти; изменения вводились посредством одной важной реформы и дополняющих её второстепенных мероприятий. Так, земской реформе 1550-х гг. сопутствовали регламентировавшее поместную систему «Уложение о службе» и проверка тарханов в 1551 г.

Исследованные в данной статье преобразования XVI–XVII вв. не могли осуществляться абсолютно спонтанно; у них должны были быть вдохновители и идеологи, а также кадры администраторов, воплощавших эти новации на практике. Метафору П.Н. Милюкова «реформа без реформатора», которой он

⁵⁵ Аракчеев В.А. Опричнина и земщина: к изучению административной практики в Русском государстве 1560–1570-х гг. // Российская история. 2010. № 1. С. 16–29.

⁵⁶ Davies Brain L. The Town Governors in the Reign of Ivan IV // Russian History. 1987. Vol. 14. № 1–4. P. 78.

⁵⁷ Levine A. Why Innovation Fails. N.Y., 1980.

⁵⁸ Weber M. Theory of Social and Economic Organization. N.Y., 1947. P. 392–407.

обозначил ход преобразований Петр I⁵⁹, можно распространить и на предшествующие столетия, но не в иносказательном, а прямом смысле: нам неизвестны имена разработчиков реформ XVI–XVII вв. Парадокс состоит в том, что программа реформ единственного известного нам «проектёра» второй половины XVII в. А.Л. Ордина-Нащокина так и не была реализована на практике⁶⁰.

Проблему существования программы реформ наиболее плодотворно можно рассмотреть на материалах сочинений И. Пересветова и царских вопросов к Стоглавому Собору. Сочинения Пересветова дошли до нас в списках XVII в.; часть текстов, приписанных ему, была составлена позднее. Однако безусловно атрибутированы Пересветову две челобитных, одна из которых – «Большая челобитная» – содержит ряд идей, традиционно интерпретировавшихся как программа реформ⁶¹. Структурно «Большая челобитная» представляет собой запись «речей» волоцкого воеводы Петра на тему падения Византии и угроз для Русского государства, перечисленных в перечне «неодобряемых» реалий российской жизни. Одной из главных угроз, по мысли Петра и Пересветова, является система кормлений: «И того он не одобряет, когда впускают в царство свое усобицы, дают города и области в управление своим вельможам, а вельможи на слезах и крови рода христианского богатеют от бесчестных поборов, а как оставят кормление с волостей, то при несправедливостях решают споры полем, и тут на обе стороны много ложится греха». Существенный порок социальной системы Византии, которая проецируется на Россию, Пересветов усматривает в рабстве: «Если какая земля в порабощении, все зло творится в этой земле: воровство, разбой, притеснения, великое разоренье всему царству»⁶².

Альтернативой русским порядкам, по мнению воеводы Петра, является система управления «царя турецкого Махмет-салтана», который «по всему царству своему разослал верных себе судей, обеспечив их из казны жалованьем, на какое можно прожить в течение года, суд же он устроил гласный, чтобы судить по всему царству без пошрины, а судебные сборы велел собирать в казну на свое имя, чтобы судьи не соблазнялись, не впадали в грех и Бога не гневил, а если наградит он какого вельможу за верную службу городом или областью, то пошлет к своим судьям и велит выплатить тому по доходной росписи единовременно из казны». На вопрос Петра и Пересветова о наличии «правды» в Московском царстве дан однозначный ответ: «Вера христианская добра, во всем совершенна, и красота церковная велика, а правды нет»⁶³. Дилемма между верой и правдой христианской занимала умы историков еще в начале XX в., и тогда же В.Е. Вальденберг предпринял попытку разрешить эту проблему: «Правда для Пересветова не есть какое-нибудь отвлечённое понятие без определённого содержания; под правдой он разумеет христианский закон», которого царь обязан придерживаться в управлении государством⁶⁴.

А.А. Зимин предложил более широкое и неоднозначное толкование понятия «правда»: во-первых, под правдой он понимал мудрость правителя, а во-вторых, «совокупность общественных преобразований, направленных к созда-

⁵⁹ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 542–543.

⁶⁰ Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. III. М., 1988. С. 314–330.

⁶¹ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 340–384.

⁶² Сочинения Ивана Семёновича Пересветова / Подгот. текста М.Д. Каган-Тарковской, перевод А.А. Алексеева, коммент. Я.С. Лурье // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. СПб., 2006. С. 437, 447.

⁶³ Там же. С. 437–441.

⁶⁴ Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. М., 2006. С. 271.

нию совершенного государственного строя, в котором найдут осуществление дворянские требования». Зимин, таким образом, полагал, что в религиозной форме публицист выражал вполне светские идеи⁶⁵. А.Л. Юрганов не усматривает в сочинениях Пересветова не только программы преобразований, но и идеи торжества закона. Сопоставив представления Пересветова и М. Лютера, он предложил иную трактовку понятия «правда» и пришёл к выводу об эсхатологическом смысле понятия «правды», тождественной Христу, через которого только и возможно спасение христианина. Юрганов категорически отвергает представление о сочинениях Пересветова как о проектах реформ, выдвигая идею утопизма представлений их автора «об идеальном государстве, создающем православное общество»⁶⁶.

Характеристика сочинений Пересветова как утопии в корне противоречит сформировавшимся в европейской науке представлениям о сущности утопического типа мышления. Согласно типологии К. Манхейма, такой тип мышления характеризуется критическими по отношению к реальности символами и идеями. Утопия – это общество с идеальной организацией, контролирующей несовершенных людей, и отлаженным на века механизмом. Утопии Манхейм противопоставляет апологетическую по отношению к реальности идеологию⁶⁷. Таким образом, согласно концепции Манхейма, государство и общество, изображенные у Пересветова, это не утопия, а теократия как разновидность идеологии. Теократия идеального правителя, добродетельного и справедливого, не может быть основана ни на чем другом, как на вере и правде.

Если считать идеи Пересветова идеологией, появляются основания сопоставить их с так называемыми царскими вопросами, приписываемыми Ивану IV и датированными февралем 1550 – февралем 1551 г.⁶⁸ М.М. Кром полагает, что и «речь» Ивана IV (преамбула к «царским вопросам»), и сами вопросы осмыслили любые изменения как возврат к законам, существовавшим при прежних государях, а также как приведение их в соответствие с апостольскими правилами и учением отцов Церкви. По мнению автора, в тексте «царских вопросов» отсутствуют замыслы радикальных реформ и тем более их систематическое изложение⁶⁹. Ни речь царя, ни «царские вопросы», безусловно, не содержат постановки определённых целей, которые могли бы стать легитимирующей доктриной реформ. Разбросанные по тексту, слабо интегрированные и размытые совокупности идей не являются программой преобразований даже в сравнении с проектами реформ Петра I.

В то же время проявляющаяся в тексте «царских вопросов» идеология имеет явные признаки тождества с идеологией сочинений Пересветова. Так же, как и в «Большой челобитной», в царской речи акцент делается на идее компромисса, торжества закона и справедливости. Во-первых, Иван IV констатировал факт примирения между боярами, приказными людьми и кормленщиками и всеми христианами (всеми землями) «во всех делах». Очевидно, здесь имеются в виду затяжные судебные иски, не имевшие иных перспектив разрешения, кроме осуждённого Пересветовым судебного поединка («поля»). Во-вторых, царь отчитался о составлении и утверждении (возможно, на Земском Соборе)

⁶⁵ Зимин А.А. Указ. соч. С. 340–384.

⁶⁶ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 79, 104, 228.

⁶⁷ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 2004. С. 164–219.

⁶⁸ Памятники русского права. Вып. IV. М., 1956. С. 576–580.

⁶⁹ Кром М.М. Религиозно-нравственное обоснование.... С. 54–57.

Судебника 1550 г., устранившего почву для коррупции («посулов») «во всяких делех». В-третьих, Иван IV говорил об устройстве в соответствии со статьями нового Судебника по всем административным единицам страны «старост и целовальников», обязанных присутствовать в суде волостелей и наместников в качестве присяжных заседателей. Судебник и уставные грамоты, утвержденные «по правилу святых апостол и святых отец», и должны были гарантировать правителю соблюдение чаемой Пересветовым «правды»⁷⁰.

«Царские вопросы», разумеется, не содержали программы реформ, однако нетрудно заметить, что они затрагивали такие проблемы повседневной жизни представителей служилого и городского населения, как обеспечение семей служилых людей землёй, условия продвижения по службе (проблема местничества), существование церковных слобод на посадах, корчем и таможенных пошлин⁷¹. Если усматривать в этих вопросах идеологию действий власти, разумеется, обоснованную отсылками к апостольским и святоотеческим текстам, то становится очевидным, что определённое осмысление своих действий правящий класс середины XVI в. осуществлял. Тот факт, что это осмысление велось не в рамках систематически разработанной парадигмы или программы, не отменяет представления о преобразованиях в России этого времени как о реформах.

Традиционное представление о реформах в России зиждется на противопоставлении «периодов реформ» и «периодов реакции». Так, 1550-е гг. в историографии осмысляются как время реформ, период опричнины – как откат к беззаконию и произволу, безвременье Смуты и восстановления государственности при царе Михаиле сменяются новым периодом реформ царя Алексея Михайловича, заложивших основу для преобразований Петра Великого. Однако три направления преобразований, изученные в данной работе, показывают, что эти новации не всегда увязывались современниками в единое целое, а сами принципы реформ зачастую реализовывались на практике на протяжении полутора столетий, как это было с отменой тарханов. В этом заключалась существенная особенность реформ XVI–XVII вв.

История реформ в России этого времени важна и как индикатор периодизации – отнесения этого периода к эпохе Средневековья или началу раннего Нового времени. Как известно, С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский и многие российские историки XX в. отсчитывали «новый период» истории России с середины XVII в. П.В. Седов, подвергший детальному анализу административную практику последней трети XVII в., полагает, что этот период был «закатом» эпохи Средневековья в России⁷². Но, как показано выше, ряд нововведений царствования Фёдора Алексеевича, которые Седов отказывается считать «кардинальными реформами», видя в них «проекты», либо «косметические изменения», были несомненными реформами. Закладывая основы землевладения, податной политики, отношений внутри элиты, преобразования Фёдора Алексеевича, наряду с изменениями в политике Алексея Михайловича, обозначили начало нового этапа в истории России.

Реформа не всегда призвана упразднить архаичные структуры, но, как правило, нацелена на улучшение их функционирования. Реформа предполагает компромисс между противоборствующими интересами, и здесь прослеживает-

⁷⁰ Российское законодательство в 9 томах. Т. 2. С. 267.

⁷¹ Памятники русского права. С. 576–580.

⁷² Седов П.В. Указ. соч. С. 551.

ся явное отличие преобразований Фёдора Алексеевича и Петра I. Петровские преобразования навязывались силой, их целью был переворот в укладе жизни и сознания, и в этом смысле они сродни революции. Не обладая научной точностью, уподобление петровских реформ революции подчеркивает их уникальность в сравнении с предшествующими и последующими преобразованиями и, разумеется, ни в коей мере не означает, что петровские реформы среди них более «прогрессивные». Сопоставляя революции в науке и обществе, В. Гейзенберг указывал на опасность революций, поскольку «при этом возникает опасное стремление к произвольным изменениям даже там, где законы природы полностью исключают возможность изменений». В то же время реформаторы, которые стремятся изменить как можно меньше, закладывают фундамент для существенных изменений в обществе⁷³.

Сравнение П.В. Седовым правительственной политики Фёдора Алексеевича и Петра I в ряде случаев преувеличивает архаизм многих явлений последней трети XVII в. и модернизирует некоторые явления петровской эпохи. Это касается прежде всего представлений о системе власти, которую в последней четверти XVII в., по мнению Седова, «определяли не элементы централизации, бюрократизации, а прежняя средневековая практика личного приказа-поручения. Царские указы вершились “словом” влиятельных придворных, и зачастую у них на дому, а не в приказах»⁷⁴. Однако и петровские реформы приобрели регулярный характер лишь во втором десятилетии XVIII в., с образованием коллегий и провинций. Управление же отдельными отраслями государственного хозяйства в начале XVIII в. осуществлялось именно личными приказами-поручениями и как раз на дому. Классический пример такой практики представляет собой Ижорская канцелярия, функционировавшая с 1704 г. на дворе князя Меншикова в Семёновском, служителями которой были приказчики «светлейшего», фактически его дворовые люди, собиравшие по его слову оброки с дворцовых земель и ясак в ведомстве Казанского дворца⁷⁵. Где же здесь централизация и бюрократизация?

Нет уверенности, что такую административную практику следует трактовать как средневековую. Даже во Франции XVII–XVIII вв. система управления недалеко ушла от принципа личных поручений: в эпоху Людовика XIV четыре государственных секретаря объединяли в своих ведомствах такие разнородные объекты управления, как, например, налогообложение, средиземноморский флот и восемь провинций, которыми управлял один госсекретарь – Летелье. Должность третьего госсекретаря до 1663 г. была поделена между отцом и сыном Бриеннами⁷⁶. Административные службы генерального контролёра в период министерства Тюрго в 1770-х гг. распределялись между шестью интендантами финансов, работавшими у себя на дому. Как писал Э. Фор, «каждый подчинённый устраивает в своём доме маленький кусочек министерства»⁷⁷. Приказ-поручение монарха доверенному лицу может органично сочетаться с бюрократическим принципом выполнения этого приказа штатными чиновниками на жалованье, как это было и в России при Фёдоре Алексеевиче.

⁷³ Гейзенберг В. Избранные философские работы. СПб., 2006. С. 141–142.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Миллюков П.Н. Указ. соч. С. 529.

⁷⁶ Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998. С. 111–112.

⁷⁷ Фор Э. Опала Тюрго. М., 1979. С. 82.

Изложенные соображения побуждают с должным вниманием отнестись к аргументации Р. Мартина, исследовавшего матримониальную политику русского царского и императорского дворов на протяжении XVI–XVIII вв. Вывод американского русиста об однородности брачной политики этого времени позволил ему охарактеризовать три столетия, с 1505 по 1797 г., как период «раннего Нового времени»⁷⁸. Полагаю, что 1505 г. как дата смены монарха на троне не может служить границей эпох, но сам период первой половины XVI в., несомненно, демонстрирует новые черты в организации государственной и общественной жизни. Во всяком случае, проведённое мною исследование реформ в России убеждает в том, что начало этого периода следует отнести к середине XVI в., когда в недрах государственных институтов зародилась идеология исправления практики властвования и стали осуществляться первые преобразования.

Сказанное не означает, что до середины XVI в. реформы на Руси не проводились. В частности, республиканские институты Новгорода могут служить поучительным примером эффективности взаимодействия общества и государства: именно в Новгороде была осуществлена первая в истории Руси полноценная политическая реформа – преобразование посадничества по инициативе Онцифора Лукинича в 1350/51 г.⁷⁹ Однако практика реформирования властных институтов в вечевых республиках резко отличалась как от синхронной ей системы властвования в княжествах Северо-Восточной Руси, так и от позднейших практик, принятых в едином государстве, и нуждается в специальном исследовании.

⁷⁸ *Martin R* The Petrine Divide and the Periodization of Early Modern Russian History // *Slavic Review*. 2010. № 2. P. 410–425.

⁷⁹ *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 222–234.

Земля, крестьянин и воля: Русский Север XVII века (О новой монографии Е.Н. Швейковской)

Ольга Новохатко

В последние два-три десятка лет в российской историографии изучение истории крестьянства явно отодвинулось на второй план в сравнении с изучением истории государственного аппарата, властных структур, особенно их высших слоёв. Отчасти это вполне объяснимо – в советский период «производительным силам» с их «производственными отношениями» было уделено чрезмерное внимание, накопилась некоторая усталость от темы. Однако и в советское время, и сейчас было ясно, что история русского крестьянства весьма далека от понимания, что в изучении этой темы остаётся ещё очень много лакун. При этом проявляется имевшаяся и ранее негативная особенность отечественной историографии, по крайней мере, что касается Средневековья и Нового времени – это разрыв в изучении государственных структур, с одной стороны, и жизни крестьян и посада – с другой, которые как будто существуют сами по себе, практически не взаимодействуя, не соприкасаясь друг с другом. Точнее